

УДК 39(=511.131)

И. М. Вельм

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ
В АГРАРНО-ТРАДИЦИОНАЛИСТСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

В статье рассматривается роль народной педагогики как составной части культуры народа, на основе которой развиваются современная педагогика и коллективное творчество как проявление педагогической культуры народа, его идеалов, воззрений, представлений о человеке и о воспитании подрастающего поколения.

Ключевые слова: традиционное общество, национальное воспитание, роль обрядов и обычаев в семье, проблема опекунов и сиротства, нравственные критерии.

В любой этнической среде поведение людей формируется в сильной мере под влиянием семейной среды. В условиях традиционного общества весь строй удмуртской семьи и вся организация воспитания детей строились так, что она готовила их для жизни в патриархальной общине под авторитетом главы семейства. Подрастающее поколение приучалось к полному подчинению и зависимости от общины или рода, чтобы во взрослой своей жизни полагаться не на себя, а на общину или семью. Здесь индивидуальность подавлялась, личной инициативе не было никакого простора, жизнь индивидов регламентировалась заранее, до деталей. Молодые поколения приучались жить так, «как жили деды и прадеды», «по старинке».

Нравственная система как один из основных способов нормативной регуляции действий и поступков человека в конкретной социальной общности включает традиционные взгляды на проблемы эндогамии (брачные связи внутри общности), половые (половые табу и предписания) и семейные отношения (вступление в брак, отношения между супругами, разводы, контроль над рождаемостью, положение женщин в семье и др.), воспитания детей (приемы ухода за младенцами, забота о девочках и мальчиках), инициации (смена социального статуса).

Каковы же особенности национального воспитания и социализации ребенка в удмуртской семье. Дети для удмуртов – предмет особой заботы, не зря в народе говорят: «Дом без детей мертв». Традиционна высокая привязанность и сердечная

любовь к детям. Здесь проявляется и суровая хозяйственная обусловленность: без постоянного притока свежих сил, новых рабочих рук крестьянское хозяйство умирает. Мысль о детях как гарантии спокойной, обеспеченной старости сквозит в одном из пасхальных заклинаний-молитв: «...*Нылпи но милемлы Инмар мед сётоз, корка вёзы корка пуксьымон мед луозы; вордскем нылпи милемыз утись медло... Ёеч муртэн тодматскыса мед уломы, сиыса-юыса мед пересьмомы. Шуныт коркамы, валес выламы выдыса мед куломы*» (...Пусть даст же нам Инмар детей в таком количестве, чтобы возле дома дом можно было ставить, рожденные нами дети пусть нас призреют... В знакомстве с хорошими людьми да пусть будем жить, в сытости-довольстве состаримся. В теплой избе, в своих постелях пусть закончим свою жизнь) [10. С. 12].

Отношение к детям как к величайшей ценности широко отражено в удмуртских пословицах, поговорках и песнях. «*Нылпитэк кышно-картъёс – сиротаос*» (Бездетные супруги – сироты), «*Корка нылпиен шулдыр*» (Дом детьми весел), «*Азбар пудоен чебер, корка – нылпиен*» (Двор скотиной красен, дом – детьми) – вот лишь немногие изречения из сокровищницы народной мудрости [См.: 2. С. 83 и др.]. Эти мысли составляют содержание песен, например:

*Зарниен но азвесен
Маро бен карод?
Со интые мед луоз
Вордскем нылпиед.*

Злата-серебра не надо,
Если не взрастить детей.

Один из первых удмуртских ученых Кузубай Герд отмечает: «и к девочкам, и к мальчикам отношение было почти одинаковое, особенно если в семье уже есть дети: и мальчики и девочки. Но там, где нет детей, из чисто хозяйственно-экономических соображений ждут мальчика, как помощника, наследника... Но если рождаются одни мальчики, с нетерпением ждут девочку – “*черсны юрттйёс луоз*” (будет помощница в прядении)» [4. С. 57].

Считалось, чем больше детей, тем больше эту семью любят боги. В народе твердо знали: один ребенок – еще не ребенок, два ребенка – только полребенка, три ребенка – это уже ребенок. Не редкостью для удмуртской семьи было более десяти детей. И пусть сложновато было жить, но каждому ребенку хватало доброго участия и слова. Обычно детей называли *зарни бугоре* (мой золотой клубочек), *дыдыке, гыдыке* (мой голубочек), *пичие, мусое, нуные* (мой маленький, милый), *нылы, пие* (доченька, сынок). В благополучной семье часто слышались эти слова [1. С. 4].

Появление ребенка было важным и радостным событием в жизни молодой семьи. Его с нетерпением ждали, к нему готовились. Большинство женщин продолжало работать до самых родов и никакого особого рациона питания для них не составлялось. Заботы о будущем ребенке находились в области магических предписаний. Чтобы не оказать отрицательного воздействия на плод, женщине в период беременности не разрешалось убивать какую-либо живность.

Об отношении удмуртов к детям как к большому дару, о высокой ценности детской жизни можно судить не только по положительным примерам (забота, охрана, опека и др.), об этом свидетельствуют и примеры противоположной,

негативной, эмоциональной окраски, особенно проклятия – *юриськоны*. К примеру, если женщину хотели сильно обидеть, оскорбить, недобрые слова и проклятия посылали в ее адрес и в адрес ее детей и даже еще неродившихся: «*Нуны интые арлан вордод*» (Пусть родишь вместо ребенка хомяка), «*Нуньед пушкад мед бурмоз*» (Пусть ребенок прирастет к твоим внутренностям), «*Му мед ньылоз пиналдэ*» (Пусть земля проглотит твоего ребенка) [5. С. 26].

Только что родившемуся устраивали *нуны сюан* – свадьбу младенца: новорожденный, по выражению В. Е. Владыкина, «как бы обручался со всем белым светом». Родственники и соседи спешили в счастливый дом, где появился ребенок. Приходили не с пустыми руками, а с вкусным угощением и сердечной песней: поздравляли-славили родителей и напутствовали нового человека: «*Коньдон кадь югыт-сайкыт мед луоз!*» (Да будет ребенок светел-ясен, как серебряная монета!). Мальчику желали быть защитником-оградой для государства – «*Кунлы кенер медло!*» (Пусть будет оградой для государства!), девочке – доброй женщиной и матерью – «*Калык вылэ потмон медло!*» (Да будет суждено ей выйти замуж!). Каждому ребенку желали долголетия, большого счастья – «*Кузь арлыдо, паськыт шудо медло!*» (Пусть будет долголетним, с огромным счастьем!) [1. С. 4].

Первый человек, с которым общается ребенок, – его мать. Разговаривая с ребенком, удмуртка называла его не по имени, а разными ласковыми словами: *нылы* (доченька, моя девочка), *ние* (сын, мой мальчик), *нунйе*, *гыдыке* (мой малыш, голубчик/голубушка) и др. Если в семье было несколько детей, то к этим словам она добавляла имя того, к которому обращалась. В семейном общении удмурты, как правило, обходились в прошлом без имен, пользуясь стереотипными безымянными формами общения: *агай*, *нюню* (старший брат), *кен* (сноха), *кенак* (старшая по возрасту женщина), *апай* (старшая сестра), *эке/ате* (младший брат), *дыды* (младшая сестра), *чечей* (брат деда) и пр. [16. С. 31].

Отсутствие своих детей часто компенсировали усыновлением чужих (*вордос пи/ныл*, *пыртэм пи/ныл*). Согласие на усыновление давал сельский сход общины при условии, что у желавшего усыновить нет своих детей мужского пола, что он является домохозяином или получил разрешение на усыновление от родителей. Усыновитель должен быть высоконравственным семьянином и на хорошем счету у общины.

Один из важных вопросов, связанных с детьми и часто обсуждавшихся на сельском сходе, – проблема опекунства. Опека над осиротевшими детьми была традиционной, и нормы обычного права здесь выступали с особой наглядностью. На полное свое обеспечение община сирот не брала, но обязанности по их воспитанию возлагала на близких родственников, внимательно контролируя действия опекунов. От негласного правила родственной помощи опекуны не могли отказаться, какой бы тяжелой и даже нежелательной она для них ни была. Опекуны назначались на сельском сходе. Опекуны отличались хорошим поведением и пользовались уважением общинников. Им вменялось в обязанность следить за имуществом, чтобы оно не было расхищено или неправильно использовано. Иногда часть имущества опекаемых шла в продажу, а вырученные деньги хранились в банке.

Важным институтом, участвующим в социализации этнофора в общество, была семья. Она выполняла важную функцию производства и воспроизводства

членов общины, была низшей хозяйственной единицей общины. Великий педагог В. А. Сухомлинский отмечал: «В семье начинается общественное воспитание. В семье, образно говоря, закладываются корни, из которых вырастают и ветви, и цветы, и плоды» [13. С. 275].

Создание новой семьи, появление нового крестьянского двора считалось общественным делом и требовало признания брака со стороны общества. В заключении браков община участвовала своей материальной и нравственной поддержкой, а также непосредственным присутствием во время свадебных гуляний. Община ревниво следила за исполнением ритуалов свадебной обрядности; мнение родственников, ближайших соседей и селения в целом были регулятором поведения. В соответствии с традиционными установками, народная мудрость рекомендовала искать себе пару таким образом, чтобы дым из печных труб молодых не смешивался (*муръёисьтызы чынзы медаз сураськы*), что означало стремление избежать кровосмешения, пагубно влиявшего на потомство. Для создания прочной семьи было напутствие родственников и друзей: «*Юмишаны эш эн утча*» (Не ищи друга на гулянке [ищи на работе]), «*Чебер шоры эн учкы, учкы ужамез шоры*» (Смотри не на красоту, а на работу). Об ответственности выбора супругов говорили и пословицы: «*Урод кидыслэсь жеч емышсэ эн витыы*» (От плохого семени не жди доброго плода), «*Куакалэсь учы уз вордйськы*» (От вороны соловей не родится) и др. От молодой супружеской пары общество вправе было ожидать особо ценимых общечеловеческих качеств: добропорядочности, прагматичности, умения ценить всякий полезный труд. Общество надеялось, что молодая супружеская пара привьет своим детям высокие нравственные качества.

Создание семьи удмурты считали естественным состоянием человека и даже обязательным его долгом. Одиночество, бобыльство всегда осуждали, неудачников жалели: *пал тури* (одинокый журавль), *пал кут* (лапоть без пары) и др. Одинокому трудно было выжить, а если он выживал, то это была весьма трудная жизнь. Каждый стремился обзавестись семьей. На семью, на совместную жизнь мужчины и женщины, на обзаведение домом и хозяйством настраивали и народные поговорки и пословицы: «*Кут но партэм уг луы*» (И лапоть без пары не бывает). К замужеству и женитьбе подходили по-крестьянски неспешно и основательно. «*Кышно басьтон – кур кесян öвöл*» (Жениться – не лыко драть), – говорили в народе. «Между вотяками не бывает браков по увлечению и страсти, – писал В. Кошурников, – а только по экономическим расчетам и соображениям. Вотyak берет в жены прежде всего работницу и притом такую, которая была бы способна к рождению детей» [9. С. 25]. Прежде чем сосватать девушку, навели исчерпывающую справку о ней, о ее родителях, ее родных, узнавали о репутации семьи: «*Кычеесь пересьёссы, сычеесь выжыюссы*» (Каковы предки, таковы и потомки).

Вплоть до конца 30-х гг. удмурты имели большие семьи: из 10 и более человек. Большие неразделенные семьи, как правило, были и многодетными. Под одной крышей проживали 3–4 поколения. Во главе семьи стоял кузё – глава семейства или один из его сыновей. Кузё становился тот, кто был наиболее сметливым, прагматичным, работоспособным и отвечал нравственным критериям общества. Многодетные семьи были более ценны для общества и с точки зрения

простого воспроизводства рабочей силы. Дети из больших семей оказывались лучше приспособленными к социализации. Функцию социализации в больших семьях выполняли не только мать с отцом, но и бабушки-дедушки, братья и сестры. Мать и отец для ребенка были надежны и крепки, а от бабушек и дедушек все вокруг становилось более домашним и уютным. Отец мог приласкать, но и наказать, коли виновен, мать – понежить и пожалеть, но систематическая трудовая деятельность часто отрывала их от детей. Справедливой и доброй наставницей всегда выступала бабушка.

Особенность воспитания в многодетной семье заключалась и в том, что работа родителей распределялась на всех детей равномерно. Дети, в свою очередь, с малых лет приобретали опыт взаимной заботы, взаимопомощи, дружбы между собой и уважения к старшим.

Естественное для человека состояние – это человеческое общество; человек рождается в обществе, воспитывается в обществе, просыпающиеся влечения юности тоже влекут человека к обществу, а самые сладкие для людей имена – отец, дитя, брат, сестра, любимый, друг, кормилец – это узы естественного права, и этими узами связано всякое первоначальное, первобытное человеческое общежитие. Вместе с ними заложены и основы первых форм правления среди людей – это порядок семьи; вне семьи человеческий род не может существовать... [7. С. 245].

О духовно-нравственной атмосфере в многопоколенной семье свидетельствуют современные материалы. По данным Г. И. Трониной, атмосферу духовной близости с матерью отмечали 80 % старшеклассников Глазовской школы № 2; с бабушкой – 5 %; с отцом – 3 % (по опросу 1986 г.). Из студентов IV курса факультета начального обучения Глазовского пединститута (1990) свою духовную близость с матерью отмечали 53 %, с отцом – 16 %, с бабушкой – 11 %, с сестрой, братом или мужем (женой) – 10 %. Обратим внимание на то, что в вопросах общественно-политического характера более авторитетен был отец, в моральных и житейских вопросах – мать, в религиозных – бабушка [14. С. 30].

В формировании духовной атмосферы и в сохранении домашнего очага важная роль отводилась женщине, о чем в удмуртском фольклоре существует много пословиц и поговорок: «*Вань юртэз кышномурт уте*» (Все хозяйство на женщине/жене держится), «*Умой кышномурт – жьыны юрт*» (Хорошая женщина/жена – полдома). Всеми домашними делами распоряжалась женщина, особенно жена главы семьи – *кузё кышно*. Она ведала продуктами, следила за порядком в доме, распределяла работы между женщинами, обучала младших невесток кухонной работе. В решении всех важных хозяйственных вопросов глава семьи непременно советовался с женой.

Удмуртская женщина всегда была относительно самостоятельна, не знала затворничества, могла в отсутствие мужа принимать гостей любого общественного положения. Она участвовала в общественных мероприятиях и празднествах. Ее искренность и тактичность в выражении чувств, проницательность, умение разбираться в душевном состоянии человека, лирическая мягкость и сдержанность запечатлены в удмуртском фольклоре, в художественной, этнографической и исторической литературе.

В. Е. Владыкин отмечает, что семейные отношения удмуртов отличались большой сдержанностью, что чужих порой это ставило в тупик. Сдержанно-ласковым было отношение к детям: возвратившегося из дальних краев после долгой разлуки сына мать обычно приветствовала фразой «*бертїд-а, пие*» (ты вернулся, мой сын) и могла позволить себе лишь мягко похлопать его по плечу. Тем более «внутри», на полутонах, «держались» отношения мужа и жены. Никаких объятий, поцелуев. Даже разговаривали в семье обычно негромко, вполголоса. Не принято было принародно говорить о своих чувствах, любви, а уж вовсе негоже их «публиковать» [1. С. 5–6].

Хорошие дети – заслуга родителей, результат их воспитания. «*Анай-атаед сѣтымтэ бере, Инмар уз сѣты*» (Если отец и мать не дали, Инмар не даст), – говорили в народе. Внимательное отношение к родителям, умение платить добром за их ласку, забота в старости – считались одним из ценнейших качеств человека. Мысль о почитании родителей – сквозная в устном творчестве народа: «*Анай-атайзэ санлась мурт шугез адъйтэк даурзэ ортчытоз*» (Человек, почитающий своих отца и мать, весь век проживет без трудностей), «*Туж умой ке но улїськод, мумыдэ-айыдэ эн вунэты*» (Хоть и очень хорошо живешь, мать с отцом не забывай). Уважение к старшим, почитание родителей – характерное явление в удмуртской семье.

Таким образом, в воспитании подрастающего поколения определяющую роль общество отводило семье. Воспитание детей в народных традициях, подготовка их к самостоятельной жизни считались первейшим долгом родителей. Социализация ребенка в семье осуществлялась через все каналы: язык, взаимоотношения, труд, будни и праздники, ценностные ориентации и др.

Следующий важный аспект национальных ценностей – это обычай гостеприимства. Такой социальный обычай в той или иной степени свойствен всем народам и всегда воспринимался как одна из величайших добродетелей. Он соблюдался неукоснительно, с особой тщательностью.

Фольклорно-этнографические материалы позволяют реконструировать гостевой этикет как одну из сторон общения этноса внутри его и вовне. Значительная часть пословиц, преданий, песен, стихов, афоризмов прямо ориентирована на организацию общения. В песнях удмуртского этноса четко прослеживаются все этапы гостевания, где пища телесная удачно сочетается с пищей духовной.

«*Сюресчи муртлы ву но сектад ке, азьлань улонэд котьку жеч луоз*» (Если странника и водой угостишь, то жизнь твоя впереди всегда будет доброй); «*Калыклы шырыд луд ке, ваньбуред ноку но уз кулэсмы*» (Если будешь щедрым к народу, то твой достаток не иссякнет) – гласила народная мудрость [15. С. 19].

Путешественники, впервые оказавшиеся среди удмуртов, зафиксировали обычаи гостеприимства. Так, капитан Н. Рычков отмечал в своем дневнике: «Странствующих приемлют они (удмурты) с отменной благосклонностью и стараются оказать все знаки ласкового приветствия, и мед, и хлеб поставляют на стол, лишь только войдешь в гостиницу» [12. С. 165].

Приготовление к празднику, в том числе к приему гостей, сопровождалось преображением всей будничной обстановки, а также привычного внешнего облика людей. В первую очередь убирали и мыли в избе. Домотканые ковры

и полотенца создавали праздничную обстановку в доме. К приходу гостей и для гостевания надевали самую лучшую одежду, готовили праздничные повозки. Заранее готовили праздничные кушанья, слабые и сильные спиртные напитки. Поэтому праздничное время называлось – *юон дыр*, то есть время пиров.

Характер празднеств и количество участников в них зависели от масштаба праздника – от глобального (христианского) до сугубо домашнего, семейного. Общественный праздник требовал обязательного участия всех взрослых сельчан, кроме больных и стариков. В дни больших праздников соблюдалось возрастное обособление. Молодежь организовывала самостоятельную группу, парни и девушки днем гуляли порознь, а к вечеру собирались вместе. В свадьбе принимала участие почти вся деревня, если не в застольи, то хотя бы в качестве зрителей.

Готовились в гости так же обстоятельно, как и при ожидании гостей. Отправляющимся в гости уважаемые старики напоминали о том, как следует вести себя «на людях» (*калык пёлын*). Удмуртский фольклор зафиксировал немало этикетных правил на этот счет. В гостях рекомендовалось вести себя достойно: *Тодмоед дорын эн кузёяськы* (У знакомого не хозяйничай); *Куное лыктыса уг ченгешо* (В гостях не ссорятся). Заботились о гостинце (*салам*), который должен быть не слишком велик, но и не мал: *Бадзым сйлы уг луы* (Большой – ценным не бывает). Наиболее подходящей для подарка считалась замороженная тушка гуся *жэзег бекче* (презент в виде гуся) [15. С. 22].

Процесс гостевания был многоэтапным: от встречи гостей (*куно пумитан*) до хождения из дома в дом к родственникам и соседям хозяина (*куно сектан*) и заключительного этапа – проводов гостей.Guests встречали такой песней – «*куно пумитан гур*»:

Кызьы меда лыктйды, жечесь-а вуиды?
Чупчи йылысен-а, выжсысен-а?
Гажаса-а, гажатэк-а лыктйды?
Монэ аджем потыса-а вуиды?

Как доехали вы к нам? По долинам иль горам?
От верховьев Чепцы или с низовья?
Чтоб уважать нас, приехали вы к нам?
Или просто мимоходом по делам? [11. С. 15].

Длительность гостевания варьировалась от одного-двух дней до недели в зависимости от значимости праздника. Последний этап гостевания – *куно келян* – также сопровождался специальным напевом – *куно келян гур*. Покидая гостеприимный дом, гость обязательно благодарил хозяина за угощение: *Тау карыса кылыд уз посьты* (От благодарности язык не изнашивается). Хозяин, прощаясь, желал гостям счастливого пути: *Сюресты вöй кадь мед луоз* (Пусть ваша дорога масляной будет).

Следующий социальный институт, формирующий национальные ценности, – община (о социальных функциях общины см. выше). Сейчас рассмотрим один из каналов крестьянской взаимопомощи – *веме*. Его основу составлял совместный неоплачиваемый труд крестьян для аккордного завершения срочного этапа работ

у отдельных хозяев. В прошлом благодаря *веме* выполнялись самые различные виды работ: возведение хозяйственных построек, обмолот зерна, битье глиняных печей, вывозка навоза, рытье колодцев. В одних случаях общинники кооперировались в небольшие артели из 5–6 хозяйств и поочередно выполняли друг у друга какую-нибудь работу, например, обмолот зерна. В других – большая часть односельчан помогала одному хозяину по его просьбе завершить определенный этап работы, к примеру, битье глиняной печи. В-третьих – общинники сами принимали решение оказать помощь кому-нибудь из общины: вдове, солдатке с малыми детьми, немощным старикам или домохозяину, который тяжело заболел, потерял лошадь или погорел. Если в первых двух случаях общинники за свой труд получали угощение и даже ждали его, то в последнем – помощь чаще была совершенно безвозмездной.

Вокруг участия в *веме* сложился целый комплекс этических представлений и норм. Любой общинник был вправе отказать в своей помощи, но редко кто поступал так. Обязательность помочей глубоко осознавалась крестьянами и в хозяйственном, и в нравственном плане, особенно если они организовывались миром помочь члену общества, попавшему в крайне тяжелую ситуацию. Общественное мнение решительно осуждало отказавшегося принять участие в подобного рода помочи. Дети тоже привлекались к этому труду, им давали посильное задание. Здесь они впитывали в себя радость совместного труда, здесь они усваивали шутки, прибаутки, которыми сопровождалась трудовые операции, развивали наблюдательность. Дети видели, что, как и в каком порядке делается. Они стремились понять, почему именно так делается, а не иначе. Словом, *веме* – был праздником труда, а труд этот – как бы коллективным молением. Совместный труд как моление пронизывал души людей весельем, обогащал их память радостью общения. И поскольку своя письменность у удмуртов была утеряна, помочи у того или иного дома служили точкой отсчета в народном календаре.

Один из показателей национальных ценностей – система трудового воспитания. Вся история удмуртского этноса показывает, что он был достойным и мудрым воспитателем детей. Умение удмуртов трудиться на земле и сегодня всем известно в республике. В свое время знаменитый путешественник Н. П. Рычков заметил, что если трудолюбие в земледелии может быть сочтено за честь, то удмурты поистине могут быть достойными этой чести, ибо «нет в Российском государстве ни одного народа, могущего с ними сравниться в трудолюбии» [12. С. 163].

Труд считался главным учителем жизни, он оберегал от трудностей, лени, всяких пороков. Ленивого человека удмурты презрительно называли *азьтэм* (лентяй, лодырь). В хорошем человеке в первую очередь отмечали *ужась*, *ужез яратӥсь* (работающий, любящий работу) [1. С. 5].

Подчеркнем, что к приучению детей к труду удмуртский народ подходил природосообразно, по принципу: «всякой работе – свой возраст». Ребенок, будь то мальчик или девочка, начинал с освоения домашних работ, затем – деятельность его разворачивалась в пределах усадьбы, огорода и, наконец, – в поле, в лесу, на лугу. Так, по мере взросления расширялось поле деятельности, соответственно, усложнялся труд.

В процессе трудового воспитания взрослые включали детей в практическую деятельность не только из экономических соображений. Народ осознал воспитательную роль труда (особенно в формировании волевых качеств и характера), в процессе трудового воспитания одновременно решалась проблема занятости. Самым эффективным воздействием, лучшим наглядным уроком в воспитании трудолюбия был личный пример родителей, без чего убеждение, наставления лишились бы своего смысла.

С благодарностью вспоминает о своих родных С. И. Ворончихин – заслуженный деятель науки УАССР, заслуженный врач УАССР и РСФСР, доктор медицинских наук, профессор: «Каждый член нашей семьи стремился учить меня работать, передавая свои навыки. Помню, бабушка учила продевать пряжу через многочисленные зубья-берда, напоминающие закрытую расческу в ткацком станке... С семилетнего возраста работал в поле. Дед сеял, мерно шагая по узенькой полосе вспаханной земли. А я следом ехал верхом на лошади с бороной, заделывая рассеянные дедом семена... Нелегко научиться косить, молотить цепями и жать. Мне давали маленький серп, и я, гордый, шагал рядом с отцом на жниву, стараясь идти с ним в ногу. В двенадцать лет, преисполненный еще большей гордостью от того, что становлюсь уже в один ряд с мужчинами, я вставал за соху...» [3. С. 8–9].

Не отрицая значения физической красоты, народ всегда связывал ее с трудолюбием человека, его духовным миром, нравственностью и умом. *Эн учкы чебер шоры, учкы солэн ужамез шоры* (Не смотри на красоту, смотри на работу), – учит народная мудрость. Труд всегда воспринимался как общее, коллективное дело. Детям с малолетства внушались преимущества дружной работы. *Одйг муш уно чечы уз люка* (Одна пчела много меда не принесет), – гласила пословица.

Главная заповедь в народной педагогике – воспитывать такие качества, которые делают человеком, принимающим все тяготы на себя, стать *Дунне Адыми* – Человеком Вселенной. Родители часто повторяли своим детям: «*Лу Дунне Адыми*» (Стань Вселенским Человеком). В это понятие входит требование брать на себя ответственность за все, что творится во Вселенной. В это понятие входит также умение делать позитивно и в материальном, и в духовном плане. Трудовое воспитание не ограничивалось периодом детства-юношества – оно продолжалось всю жизнь.

Перед народной системой воспитания стояла важная задача — обеспечить подрастающему поколению многостороннюю трудовую подготовку. В условиях традиционного общества каждый представитель этноса старался по мере возможности научиться всему, что понадобится для ведения хозяйства: владение токарными и кузнечными ремеслами, умение вести плотницкие работы. Идеалом крестьянина-мужчины являлся тот, кто обладал необходимыми познаниями и умением в ремеслах, домашних промыслах. Достоинство женщины состояло в рациональном ведении домашнего хозяйства (искусный кулинар, швея-мастерица, умение ухаживать за скотом, искусная огородница) – эти показатели давали характеристику женщине-хозяйке.

От родителей зависели и подготовленность детей к многостороннему труду (для себя и своего хозяйства), и специальное обучение, и овладение высоким

уровнем мастерства в каком-нибудь виде ремесла или промысла. Этим объяснялось наличие потомственных портных, бондарей, скорняков, печников, кузнецов и др. специализаций. Но если в юные годы первенствующая роль в воспитании трудолюбия отводилась семье, то с переходом человека в разряд взрослых, самостоятельных работников – регулятивную функцию над его деятельностью брала на себя община. Она строго следила за соблюдением нравственных устоев и хозяйственной деятельностью своих членов, а в случае необходимости принимала меры общественного воздействия к тем, кто проявлял леность и небрежность в обработке своих земельных наделов, в исправлении полевых изгородей, выполнении различных общинных работ.

Приход модернизационного общества во многом изменил характер труда. Ушли в историческое прошлое многие виды традиционных ремесел и промыслов. Современная система подготовки кадров (ПТУ) готовит водителей, механизаторов, сварщиков, станочников, специальности, которые обеспечивали жизнедеятельность деревни, забываются.

Трудовое воспитание как традиционный институт социализации этнофора одновременно – одна из национальных ценностей.

Наряду с трудовым воспитанием за многовековую историю своего существования удмуртский народ выработал кодекс неписаных морально-этических норм, требовавших глубокого уважения к старшим, заботливого отношения к слабым и сиротам, доброты и отзывчивости, честности, скромности и других позитивных качеств.

Богатейший материал устного народного творчества удмуртов позволяет говорить о том, что предметом особой заботы народной педагогики было воспитание в детях доброты, честности, любви к родным местам и своему народу. Об этом свидетельствуют народные поговорки: *Ас палзэ вунэтэм адями – йыромем адями* (Человек, забывший свою родину, – заблудившийся человек), *Вордскем кылдэ ке вунэтйд, вордэм нэнэдэ но вунэтод* (Забудешь родной язык – забудешь и родную мать).

Знакомясь с космогоническими представлениями народа, мифологией, историческими преданиями, легендами, молодое поколение приобщалось к народной философии. Эпическая форма преданий доводила до подрастающего поколения сведения о давно минувших событиях, формировала патриотическое сознание и чувства. Напомним строки М. Г. Худякова из эпоса «Песнь об удмуртских батырах»:

И рассказывают старцы
Эти песни юным детям,
И под звуки звонких гусель
Эти славные примеры
Входят в душу молодежи,
Зажигают в ней отвагу,
Светлый пламень жажды славы,
Возбуждают подражанье
Древним доблестным героям [17. С. 97].

Удмуртский народ никогда не культивировал в подрастающем поколении чувства неуважения, тем более вражды или ненависти к соседним народам.

Элементы русской, татарской и марийской культур прочно привились в культуру удмуртов, став нераздельной ее частью. О марийцах удмурты говорили: «*Порэн удмуртэн – одйг выжыысь потэм писпу*» (Мариец и удмурт – одного корня дерева).

Удмурты – народ миролюбивый, о чем свидетельствует отсутствие в его лексиконе завоевательных терминов. В системе воспитания большое внимание уделялось привитию в детях уважения к старшим, к скромности, вежливости, послушания и долготерпения. О молодых людях со скромным характером всегда можно было услышать похвальные отзывы, и наоборот, вмешательство в дела взрослых, возражения старшим вызывали отрицательную реакцию общинников. «*Калыктэсь эн пöртэмъяськы, калык валлин ул*» (Не выделяйся среди других, будь как все, живи, как люди живут), – наставляли удмурты своих детей. Эта установка соответствовала условиям традиционного общества. В модернизационном обществе наиболее востребованы инициатива, творческое начало, умение бороться в условиях конкуренции.

Будучи народом трудолюбивым, удмурты беспощадно боролись с воровством. Уличенным в воровских деяниях принимали меры, вплоть до физического наказания. Среди удмуртов существовала культура застолья, народ едко высмеивал тех, кто в дни праздников терял человеческое достоинство. О пьяницах говорили коротко и презрительно – *тордос* (пропойца). В назидание молодым говорили: «*Вина чылкыт ке но, улонэз пожа*» (Вино хотя и чистое, а жизнь мутит). При выборах на общественные должности одним из условий был трезвый образ жизни.

Существенный вклад в систему формирования этнических ценностей вносила организация обучения молодого поколения. Народ прекрасно осознавал, что умственное воспитание необходимо с раннего детства, недаром говорили: «*Пичи муртлэн визьмыз лэчыт*» (У ребенка ум острый). Учебный процесс был тесно связан с производственной деятельностью.

Таким образом, социальные институты выполняли важную роль в формировании ценностно-нормативных механизмов в аграрно-традиционалистском обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Владыкин В. Е. Религиозные верования // Удмурты. Историко-этнические очерки. Науч. ред. В. В. Пименов / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1993. 392 с.
2. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблема жанровой эволюции и систематики / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1997. 356 с.
3. Ворончихин С. И. Полвека за операционным столом. Ижевск: Удмуртия, 1981. 168 с.
4. Герд К. Времена года: Рассказы, сказки. Ижевск: Удмуртия, 1993. 132 с.
5. Герд К. Пословицы и поговорки удмуртов // «О ней я песнь пою...» / Сост. Ф. К. Ермаков. Ижевск: Удмуртия, 1997. С. 114–126.
6. Герд К. Удмурт в своих песнях // «О ней я песнь пою...» / Сост. Ф. К. Ермаков. Ижевск: Удмуртия, 1997. С. 126–163.
7. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.

8. *Гришкина М. В.* Удмурты. Этюды из истории. Ижевск: Удмуртия, 1990. 168 с.
9. *Кошурников В. С.* Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Казань, 880. 44 с.
10. *Никитина Г. А.* Народная педагогика удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1997. 136 с.
11. *Перевозчикова Т. Г.* Введение // Пословицы, афоризмы, поговорки / Сост. пер., коммент. Т. Г. Перевозчиковой. Устинов: Удмуртия, 1987. С. 142.
12. *Рычков Н. П.* Журнал или дневные заметки путешествия капитана Рычкова по родным провинциям Российского государства в 1769 и 1790 гг. СПб., 1770. 180 с.
13. *Сухомлинский В. А.* О воспитании / Сост. и автор вступит. очерков С. Соловейчик. 5-е изд. М.: Политиздат, 1985. 270 с.
14. *Тренина Г. И.* Семья и народная педагогика // Народная педагогика и современные проблемы воспитания. Чебоксары, 1991. Ч. IV. С. 80–86.
15. *Трофимова Е. Я.* Гостевой этикет удмуртов // Фольклор и этнография удмуртов: обряды, обычаи, поверья. Ижевск, 1989. С. 18–27.
16. *Христолюбова Л. С.* Стереотипы общения и социализации личности // Традиционное поведение и общение удмуртов / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1992. С. 31–42.
17. *Худяков М. Г.* Песнь об удмуртских батырах (Из народного эпоса удмуртов. Песни, сказания) // Проблемы этнической традиции удмуртского фольклора и литературы. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 97–135.

Поступила в редакцию 25.09.2014

I. M. Velm

The Functioning of Social Institutions in the Agricultural-Traditionalist Society

The article discusses the role of folk pedagogy as an integral part of people's culture, on the basis of which modern pedagogy and collective creativity are developed as a manifestation of the pedagogical culture of the nation, its ideals, beliefs, views about man and about the education of the younger generation.

Keywords: traditional society, national education, the role of rituals and customs in the family, the issue of guardianship and abandonment, moral criteria.

Вельм Иван Матвеевич,

доктор культурологии, профессор,
Удмуртский государственный университет,
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E mail:Velm i.m@mail.ru

Velm Ivan Matveevich,

Doctor of Culturology, Professor,
The Udmurt state University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E mail:Velm i.m@mail.ru